

УДК 811.112.24:821.112.2:81-119:82-34

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРУБОСТЬ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ В. ХАУФА «КАРЛИК НОС»)
VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF «RUDENESS» IN GERMAN
(ON THE MATERIAL OF W. HAUFF'S FAIRY-TALE "DER ZWERG NASE")**

**И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко
I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Вильгельм Хауф, концепт, литературная сказка, немецкий язык
Keywords: Wilhelm Hauff, concept, literary fairy-tale, German

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о вербализации концепта **грубость** в немецком языке (на материале оригинального текста сказки В. Хауфа «Карлик Нос»). Данный концепт является одним из ключевых этнокультурных стереотипов, связанных не только с Германией, но и с германскими народами в целом. Выбор материала обусловлен принадлежностью творчества немецкого писателя и новеллиста Вильгельма Хауфа к такому направлению в искусстве как бидермайер, которое, в свою очередь, является квинтэссенцией немецкой культуры. Анализ сказки выявляет, что одной из важнейших особенностей этого произведения является его чрезвычайная насыщенность концептом *грубость*, репрезентируемым в той или иной форме на протяжении практически всего текста сказки.

Abstract. The article deals with the question of verbalization of the concept of “rudeness” in German (on the material of W. Hauff's fairy-tale “Der Zwerg Nase”). This concept is one of key ethno-cultural stereotypes connected not only with Germany and its people, but also, to a limited extent, with the whole group of Germanic peoples. The choice of the material is due to the fact that German writer Wilhelm Hauff's oeuvre belongs to the artistic style Biedermeier which, in its turn, could be considered as the quintessence of the German culture. The analysis of the fairy-tale reveals that one of the distinguishing features of this work is its saturation with the concept of “rudeness” which is represented in some form or other throughout the text of the fairy-tale.

Основной постулат когнитивной лингвистики как одного из самых популярных языковедческих направлений нашего времени сводится к мысли о том, что язык является не только открытой системой знаков, находящейся в состоянии непрерывного развития, но и особым способом репрезентации знаний человека о мире, своеобразным способом включения конкретного человеческого сознания (и, соответственно, определённой картины мира) в глобальную картину мира. На наш взгляд, цель такого включения состоит в том, чтобы сократить угол в мировосприятии не только носителей разных языков и культур, но и в восприятии носителей одной и той же культуры. Как пишет Л. Вайсгербер, язык сам по себе является картиной мира, выражением культуры и духа народа [Вайсгербер:185], а значит, изучение той или иной культуры невозможно без изучения основного для этой культуры языка. Отметим, что данная дефиниция важна не только при изучении тех или иных культуры и языка в их современном состоянии, но и при диахроническом подходе к исследованию их. Поэтому, если перед исследователем поставлена задача изучить хотя бы один аспект какой-либо культуры, не являющейся для него родной, ему необходимо помнить о том, что на формирование данного языка оказывает влияние совокупность культурных кодов, основанных на исторических реалиях (в том числе – политических процессах), территориальных особенностях, типе мышления или даже мировоззрения, главенствующего в заданное время и т.д.

Так, например, более или менее полное восприятие немецкой культуры невозможно без наличия фоновых знаний о её языке и литературе, без представления о ключевых фигурах, формировавших эту культуру в том виде, в каком она существует на данный момент. Одной из таких фигур был писатель Вильгельм Хауф (в традиционной передаче — Гауф), чьё творчество, несомненно, представляет интерес не только для исследователей, но и для обывателя – не только в Германии, но и за рубежом.

Вильгельм Хауф родился в 1802 году в Штутгарте, в 1824 году получил степень доктора философии и теологии в Тюбингенском университете и именно в это время начал заниматься художественным творчеством – опубликовал сборники рассказов и волшебных сказок, которые стали не только одной из важнейших составляющих немецкой культуры, но и культуры мировой. Несмотря на то, что Хауф прожил весьма короткую жизнь – всего 27 лет – его наследие весьма велико

и представляет интерес для исследования как с текстологических и литературоведческих, так и с лингвистических позиций.

Как говорилось ранее, язык является отражением не только действительности и проявлений культуры, но и самого духа народа, ключевые особенности которого проще всего проследить в прецедентных текстах, впитавших в себя большую часть различных культурных стереотипов. Творчество В. Хауфа, своеобразно репрезентирующее немецкую действительность, на наш взгляд тоже весьма стереотипично, так как его ключевые аспекты во многом совпадают с ключевыми аспектами немецкой культуры в целом. В первую очередь, это связано с тем, что Вильгельм Хауф относится к авторам, чьё творчество развивалось в рамках такого направления как бидермайер (нем. Biedermeier). Самое название этого художественного направления, в дословном переводе которого содержится значение 'простодушный' (нем. — bieder) позволяет говорить о том, что оно легло в основу целой культурной эпохи, как нельзя более ярко отражающей немецкую ментальность – эпохи филистерства.

Как уже было сказано, искусство всегда тесно связано с теми или иными политическими и историческими процессами. Если мы говорим о литературном процессе, то справедливо будет считать его своего рода реакцией на события, происходящие в данный момент в мире. Так, бидермайер стал своеобразным откликом на нестабильную политическую ситуацию в Германии начала девятнадцатого века. Основной чертой этого направления в искусстве является идеализация быта, реализация романтизма и ампира, уход от глобальной действительности к локальной. Если для немецкого философа Людвиг Витгенштейна границы мира совпадали с границами языка [Витгенштейн: 56], то для идеологов бидермайера границы мира совпадали с границами семьи. Семья для них – модель Вселенной, а создание камерного провинциального комфорта является основной жизненной целью. Возвращаясь к творчеству Вильгельма Хауфа, отметим, что именно поэтому все положительные персонажи его произведений так мещански добродетельны и красноречивы, а отрицательные – неприглядны и грубы. Заметим, что в мировой культуре грубость считается важнейшим этнокультурным стереотипом, лежащим в основе культуры германских народов. Подтверждением этому, на наш взгляд, могут служить характеристики, данные А. И. Герценом немцам и англичанам: «Французские слабости и недостатки долею улетучиваются при их легком и быстром характере. У немца те же недостатки получают какое-то прочное и основательное развитие и бросаются в глаза. Надобно самому видеть эти немецкие опыты, представить so einen. burschikosen Kamin de Paris в политике, чтобы оценить их. Мне они всегда напоминали резвость коровы, когда это доброе и почтенное животное, украшенное семейным добродушием, разыграется, заветренничает на лугу и с пресерьезной миной побрыкает обеими задними ногами или пробежит косым галопом, погоняя себя хвостом», и далее – «Уличные грубости сильно оскорбляют сначала французов и итальянцев. Немец, напротив, принимает их с хохотом, отвечает таким же ругательством, перебранка продолжается, и он остается очень доволен. Обоим это кажется любезностью, милой шуткой. "Bloody dog!"- кричит ему, хрюкая, гордый британец. "Стерва Джон Буль!" – отвечает немец, и каждый идет своей дорогой.

Это обращение не ограничивается улицей – стоит только посмотреть на полемику Маркса, Гейнцена, Руте et consorts, которая с 1849 года не переставала и теперь продолжается по ту сторону океана. Глаз наш не привык видеть в печати такие выражения, такие обвинения, ничего не пощажено, ни личная честь, ни семейные дела, ни поверенные тайны.

У англичан грубость пропадает, поднимаясь на высоту таланта или аристократического воспитания; у немцев – никогда. Величайшие поэты Германии (за исключением Шиллера) впадают в самую неотесанную вульгарность» [Герцен: http].

Подобное противопоставление позволяет считать такой важный концепт как *грубость* одним из центральных в немецкоязычной литературе в целом и в творчестве Вильгельма Хауфа в частности. В настоящей статье мы предлагаем изучить способы языковой репрезентации данного концепта на материале оригинального текста одной из известнейших сказок В. Хауфа – «Карлик Нос» (нем. "Der Zwerg Nase"). Выбор данного материала обусловлен тем, что именно в тексте этой сказки исследуемый нами концепт вербализован наиболее ярко.

Сказка В.Хауфа «Der Zwerg Nase» была написана в 1827 году, в эпоху Vormärz. Она входит в сборник «Märchen – Almanach auf das Jahr 1827 für Söhne und Töchter gebildeter Stände». О значимости и популярности этой сказки говорит и тот факт, что существует не менее тринадцати её переводов на русский язык. В.Келер пишет: ««Карлик Нос» ... Не знаю, есть ли на земле человек, который не читал бы или по крайней мере не слышал этой сказки.» [5 : 10].

Анализ сказки «Карлик Нос» выявляет, что одной из важных особенностей этого небольшого (чуть более тридцати страниц) произведения является его чрезвычайная насыщенность концептом *грубость*, репрезентируемым в той или иной форме на протяжении практически всего текста сказки.

Анализ речевых характеристик и действий персонажей сказки показывает, что *грубость* в различных ее проявлениях, — от изощрённых вербальных издевательств (например, советы отно-

сительно футляра для уродливо длинного носа карлика) до крайнего её проявления — открытой физической агрессии (например, довольно жестокое избивание Якоба пучком сапожных ремней, истязания ведьмой Kräuterweiss своих антропоморфных белок и морских свинок или наличие огромного бича в руках зрителя дворца, который он, не колеблясь, то и дело пускает в ход), — буквально пропитывает сказку, принимая те или иные формы. Редкий персонаж произведения не демонстрирует в какой-то момент грубость либо словом, либо действием. В сущности, только Мими, заколдованная дочь волшебника Веттербока, не обнаруживает грубости, если не считать таковой её вынужденные угрозы и шипение, направленные на самозащиту

Stichst du mich,
So beiß ich dich;
Drückst du mir die Kehle ab,
Bring ich dich in frühe Grab.

Первой грубость проявляет ведьма Kräuterweiss («Сведущая в травах»), бесцеремонно роясь в товаре Ханны и понося его. Однако при этом Kräuterweiss не употребляет всё же чрезмерно грубых слов, ограничиваясь такими, в общем-то, относительно умеренными характеристиками товара как «Schlechtes Zeug, schlechtes Kraut, schlechte Ware, Schechte Kohl!». Порой она даже притворно ласкова, обращаясь к Якобу «Söhnchen», с тем, чтобы тут же перейти к угрозам: «also gefällt dir meine Nase, meine schöne lange Nase, sollst auch eine haben, mitten im Gesicht bis übers Kinn herab». Однако невербальная составляющая ее поведения гораздо более груба, даже в какой-то мере агрессивна: «die Alte, beugte sich nieder vor den Körben und fuhr mit ein Paar dunkelbraunen, häßlichen Händen in den Kräuterkorb hinein, packet die Kräutlein, die so schön und zierlich ausgebreitet waren, mit ihren langen Spinnenfingern, brachte sie dann eines um das andere hin auf an die lange Nase und beroch sie hin und her». Вместе с тем реакция Якоба на фоне поведения ведьмы Kräuterweiss выглядит чрезмерно эксплозивной и слишком злобной для ребёнка его возраста (не следует упускать из вида, что это к тому же дисциплинированный немецкий мальчик из добропорядочной, хотя и небогатой бюргерской семьи, а не какой-нибудь необузданный уличный мальчишка, немецкий Гаврош). Вне художественного контекста поведение Якоба, пользуясь терминологией К.Леонгарда, в данной ситуации можно было бы квалифицировать как поведение акцентуированной личности возбудимого типа. И если ведьма Kräuterweiss осуждает лишь товар Ханны, то Якоб «переходит на личности» и принимается крайне грубо критиковать физические недостатки и внешность старой женщины, а заодно и её моральные качества (называя ее «unverschämtes»), дерзко обращаясь при этом к ней (женщине весьма преклонного возраста и клиентке его матери) на «ты»: «Höre, du bist ein unverschämtes altes Weib» rief unmutig (заметим, что Якоб кричит), «erst fährst du mit deinen garstigen braunen Fingern in die schönen Kräuter hinein und drückst sie zusammen, dann hältst du sie an deine lange Nase...» и далее грубость Якоба становится еще более отвратительной: «Wackle nur nicht so garstig mit dem Kopf hin und her» rief der Kleine ängstlich, — он фантазирует: «dein Hals ist ja so dünn wie ein Kohlstengel, der könnte leicht abbrechen, und dann viele dein Kopf hin ein in den Korb; wer wollte dann noch kaufen!», — здесь грубость мальчика переходит в неприкрытое циничное и злобное глумление. Позже примерно в том же ключе над носом заколдованного Якоба будет издеваться его собственный отец-сапожник: вероятно, в этом состоит некая особая poetic justice. Эмоциональная реакция двенадцатилетнего мальчика на провокационное поведение злой волшебницы явно избыточна. Возраст ведьмы Kräuterweiss и её физические недостатки, — то, что в общем должно бы скорее смягчить раздражение юного торговца, как раз ещё больше распаляют его гнев и используются им в качестве предмета упрёков. При этом, думается, Якобом нарушаются определенные морально-этические табу, ведь в тот момент никто не знает, что он и его мать имеют дело с ведьмой — перед ними просто хотя и бесцеремонная, но всё же довольно жалкая, беспомощная старуха. В этом, очевидно, и заключается роковая ошибка Якоба. Ведь если бы Якоб вёл себя более корректно с необычной покупательницей, вполне вероятно, она не поступила бы с ним так жестоко.

Возможно, ведьма Kräuterweiss символизирует тёмное начало в душе самого Якоба, реализующееся в его грубости по отношению к старому и внешне беспомощному человеку, или, по меньшей мере, она изощрённо апеллирует к этому тёмному началу, искусно провоцируя его, Якобу же не удается обуздать свои эмоции. (Возникает даже вопрос, не участвовал ли в какой-то мере образ Якоба и его печальная история в создании Юханом Боргеном образа Вилфреда Сагена — в душах обоих персонажей бурлят De mørke kilder /норв. тёмные воды/, с которыми они не могут совладать).

Вызывает некоторое удивление, что Ханна, воздерживаясь сама от явной перебранки с ведьмой, тем не менее не пытается пресечь грубость Якоба, хотя ей не составило бы никакого труда это сделать, судя по тому, что Якоб, хотя и хныча, но выполняет её распоряжение проводить страшную старуху с купленным товаром, т.е. родительская власть её над Якобом вполне для этого достаточна. В этой связи интересно вспомнить, как сурово отец наказывает сына за непочтение к Маленькому Муку в другой сказке того же автора, действие которой происходит не в Германии, а в

городе Никее в Малой Азии. То есть Ханна, чей образ изначально позиционируется как образ добропорядочной матери семейства, не лишенной эстетического чувства («...und ihre Gemüse auf gefällige Art aus zu breiten und legen wußte», ее товар был «so schön und zierlich ausgebreitet»), в данной ситуации груба имплицитно, в сущности, она присоединяется к словам Якоба, эти слова, вероятно, она хотела бы сказать и сама, но не посмела, опасаясь наказания, которое могло её за это ожидать со стороны городских властей. Хотя, когда ведьма сулит Якобу метаморфозы, которые должны вообще лишить его шеи, Ханна все же вмешивается и довольно грубо для своего социального положения говорит злой волшебнице Kräuterweiss: «Schwätzt doch nicht so unnützes Zeug mit dem Kleinen da».

Следующее проявление грубости, – и вербальной, и физической – обращение ведьмы со своими заколдованными домочадцами при возвращении домой. На этот раз Kräuterweiss, будучи у себя дома, не только не стесняется в выражениях, но и прибегает к физическому насилию: «Wo habt ich meine Pantoffeln, schlechtes Gesindel? rief die Alte und schlug mit dem Stock nach ihnen».

Дальнейшую манифестацию концепта *грубость* мы наблюдаем уже после того, как Якоб покидает дом ведьмы и слышит в толчее в свой адрес (не подозревая, однако, что эти слова относятся к нему): «Ei, sehet den häßlichen Zwerg!...» и другие грубые насмешки. Далее на Якоба обрушивается буквально поток грубости со стороны окружающих. Ханна, сама потерявшая единственного сына, не проявляет, впрочем, особого сострадания или хотя бы толерантности к окружающим, в том числе и физически убогим, адресуя своему неизвестному заколдованному сыну целую серию ругательств: «Was willst du von mir, häßlicher Zwerg!» rief sie, «fort, fort! Ich kann der gleichen Possen spiel nicht leiden.» И далее: «Ich habe dir schon gesagt, gehe deines Weges!» «Bei mir verdienst du kein Geld durch deine Gaukelein, häßliche Mißgeburt». Ханна, как и её сын Якоб семь лет назад, принимается упрекать раздражившего её собеседника его физическими недостатками, что совершенно недопустимо с точки зрения не только морали, но и элементарных приличий. Кроме того, она, как и Якоб в своё время, кричит. Примечательно, что Ханна даже употребляет слово «der Unverschämte», которым семью годами ранее воспользовался ее сын в разговоре с ведьмой Kräuterweiss. К Ханне с готовностью присоединяются её соседки-торговки, не только не скупящиеся на оскорбления, но и угрожающие Якобу физической расправой: «über ihn herfallen und ihn zu zerkratzen». При этом автор отмечает особую способность рыночных торговков (возникает вопрос: только ли немецких?) ругаться.

Грубость сапожника – отца Якоба принимает изощрённую форму, когда он, внешне оставаясь достаточно вежливым, в конце беседы с карликом неожиданно издевательски предлагает: «Ist Euch vielleicht etwas von meiner Arbeit gefällig, junger Herr?» ... «vielleicht ein Futteral für Eure Nase?», в высшей степени бестактно развивая затем тему уродливо длинного носа Якоба в течение довольно длительного времени. В конце концов, грубовато потребовав от карлика «Lasset mich in Ruhe», он выпроваживает его. У соседа-брадобрея Урбана заколдованного Якоба ждет еще более изощрённо-издевательский прием. Урбан пространно издевается над уродливой внешностью карлика, используя в своих насмешках даже тропы, а все посетители цирюльни при этом хохочут («wieherndes Gelächter füllte die Baderstube»). Поведение брадобрея абсолютно отвратительно, пожалуй, его плохо замаскированная притворной любезностью грубость – худшая из всех персонажей, тем более что фигура Якоба для него, казалось бы, наиболее индифферентна. Однако Урбан устраивает настоящий омерзительный спектакль для посетителей цирюльни и при этом расчетливо планирует извлекать финансовую выгоду из уродства Якоба – у его гнусной кисло-сладкой грубости есть материальная, прагматическая подоплёка, – в заведение его конкурента Шаума посетителей заманивает великан, а Урбан хочет заполучить в качестве приманки для клиентов карлика Якоба. В сущности, его грубость заслуживает большего наказания, чем грубость самого Якоба, у которого хотя бы имелись какие-то основания грубить ведьме Kräuterweiss – понятная обида за пренебрежительное отношение неприглядной покупательницы к столь тщательно и искусно разложенному матерью товару. Вероятно, В.Хауф неспроста наделил этот персонаж именно таким именем (И. Х. Дворецкий переводит *urbānus* в своем «Латинско-русском словаре» как *утонченный, благовоспитанный, образованный, культурный, приветливый, любезный*). Примечательно, что именно в связи с деловым предложением Урбана Якобу в сказке употребляется слово *der Schimpf*.

Дальнейшее общение с отцом (ранее «er wie ein Hund von der Tür seines Vaters gejagt werde») заканчивается для Якоба уже грубым физическим насилием: «Da bei nahm er ein Bündel Riemen, sprang auf den Kleinen zu und schlug ihn auf den hohen Rücken und auf die langen Arme, daß der Kleine vor Schmerz auf schrie und wein end da von lief.» Сапожник не просто бьет Якоба, он набрасывается на него и бьет ремнями именно «auf den hohen Rücken und auf die langen Arme», причем удар наносится изо всей силы. Здесь мы уже имеем дело скорее с изощренной жестокостью, нежели просто с грубостью.

Итак, на заколдованного Якоба обрушивается настоящая лавина грубости, часто доходящей до степени жестокости. Складывается впечатление, что крайняя грубость присуща практиче-

ски всем жителям города, в котором происходит действие сказки. Но грубые нравы свойственны не только местным филистерам, торговцам, сапожникам и брадобреям. В герцогском дворце глазеющие и громко хохочущие над Якобом слуги образуют целые толпы, назойливо преследующие карлика, а смотритель дворца не только грубо бранит своих подчиненных (“Um des Himmels willen, ihr Hunde...”), но и то и дело пользуется своим бичом. Чрезвычайно груб и сам герцог: “Hund von einem Zwerg!...Soll ich dir deinen großen Kopf abhacken lassen zur Strafe für deine schlechte Kocherei?”, “Gehe, du Hund...” (вообще, слово *der Hund* в качестве ругательства во дворце весьма популярно). То есть в городе грубы все, от сапожника до герцога, грубость носит массовый характер, как будто жителей города поразила некая психологическая эпидемия (что, в сущности, во многом совпадает с характеристикой немецкой грубости, данной А. И. Герценом). В.Хауф пишет: «In jener Stadt gibt es, wie überall, wenige mit leidige Seelen, die einen Unglücklichen, der zu gleich etwas Lächerliches An sich trägt, unterstützen». Вполне естественно, что Якоб несёт наказание за свою грубость по отношению к уродливой старухе, но возникает вопрос, почему жестоко наказан именно он, если большинство жителей города по крайней мере ничем не лучше его в этом отношении?

Таким образом, на основе анализа текста литературной сказки «Der Zwerg Nase» можно сделать следующие выводы:

- Выявляется массивное присутствие концепта *грубость* в этом произведении.
- Концепт *грубость* реализуется в данном произведении различными путями: речевые характеристики персонажей, их действия и поступки, авторские отступления и ремарки. Однако важно заметить при этом, что слово *die Roheit* или его синонимы в тексте сказки не употреблены ни разу. Лексически концепт *грубость* реализуется преимущественно следующими словами и словосочетаниями: *du bist ein unverschämtes altes Weib, schlechtes Zeug, schlechte Ware, der Unverschämte, wackle nur nicht so garstig mit dem Kopf hin und her, dein Hals ist ja so dünn wie ein Kohlstengel, schlechtes Gesindel, häßlich, häßliche Mißgeburt, häßlicher Zwerg, gehe deines Weges!, fort, fort!, deine Gaukelein, er wie ein Hund von der Tür seines Vaters gejagt werde, ihr Hunde, Hund von einem Zwerg, du Hund, der Schimpf, deinen großen Kopf, deine schlechte Kocherei, rufen, schwatzen.*
- В ряде случаев в этой сказке В.Хауфа концепт *грубость* практически сливается с концептом *жестокость*.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М. : 2010
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2010. – 192 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0090.shtml (дата обращения –10.10.2015)
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., Русский язык Медиа, 2008. – 844 с.
6. Келер В. Прекрасная весна, у которой не было осени. С.5-11. / Вильгельм Гауф. Сказки. – Ленинград «Художник РСФСР», 1979.
7. Леонгард К. Акцентированные личности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000
8. W. Hauff. Der Zwerg Nase. / Hauffs Werke in zwei Bänden. Zweiter Band. Ss. 137-169. – Aufbau Verlag Berlin und Weimer, 1979.